

АВТОРСКАЯ ИНТЕНЦИЯ И ИНВЕРСИЯ

Мехдиханлы К. А.

Бакинский славянский университет (Баку, Азербайджан)

Статтю присвячено інверсії в азербайджанській та англійській мовах. У цій праці типологічного характеру зіставлено явища обох мов і на підставі конкретних фактів виявлено їхні універсальні риси. Доведено, що в аглютинативних і флективних мовах характер інверсії (за структурою і функціями у передаванні інформації) однаковий.

Ключові слова: інверсія, англійська мова, азербайджанська мова, інформація, позиція, інтенція

Article is devoted inversion in the Azerbaijan and English languages. In the given work of typological character the facts of both languages are compared and on the basis of the concrete facts their universal parties come to light. Article asserts such logic that in аглютинативных and inflectional languages character of inversion (on structure and on function in information transfers) the identical.

Keywords: inversion, English language, the Azerbaijan language, the information, position, intention.

Интенция – это направленность сознания на какой-либо предмет или явление, а направленность является выражением желания, идеи. Как категория, мечта связана с осуществлением чего-то. Но авторская интенция обосновывается динамикой, она переносится на какое-нибудь действие или предмет и преследует какую-то коммуникативную цель. Речевая интенция осуществляется речевым актом [8].

Текст – лишь один небольшой сегмент сознания автора, поскольку человеческий рассудок, человеческое сознание в отличие от текста охватывает больше действий и предметов. Изложение текста является частью языкознания; мы воспринимаем внешний мир, скорее, с помощью языковых форм. Художественный текст вне языка не существует. Как говорится в психолингвистике, каждый человек имеет языковое сознание; оно реализуется с помощью языковых знаков.

Мировоззрение, идеи автора выражаются в его языке. Называется это авторской речью. В языкознании в отношении к личности автора с лингвистической точки зрения используют термины “речевая личность”, “языковая личность”, “коммуникативная личность” и др. Среди них преобладает термин “языковая личность”. Личность автора и его язык выражаются именно этим термином. Языковая личность формируется в обществе и имеет два свойства: 1) влияние мышления языковой личности – антропологизация языка, т. е. влияние мышления на особенности языка; 2) воздействие на язык религиозно-мифологического, научного, философского, художественного мышления человека. Эти факторы между собой тесно связаны [4, с. 185–190]. Среди причин, определяющих важность фактора автора в тексте, особенно надо отметить две: 1) мировоззрение, идея, намерение автора и 2) способ изложения его намерения. Если первое связано с философией и психологией, то второе с лингвистическими формами, соответствующими интеллекту писателя. Стиль писателя, особенности выбора языковых единиц для выражения мысли, использование тонкостей языка, также способ ощущения языка являются причинами, которые индивидуализируют авторскую речь. Личность автора – авторская интенция и максимальное использование языковых единиц являются важной задачей в изучении текста. Авторская интенция в тексте сопровождается ее стилем. Они оба связаны с актом оценивания автором события и предмета. Стиль, выраженный автором в тексте, форма проявления стиля его внутреннего мира, авторская модальность, писатель и его стиль

обуславливают идиостиль. Указанные три фактора характерны для любого микро- и макротекста. Поэтому автор, который отражает в себе идиостиль, всегда остаётся в центре внимания. Авторская модальность является субъективным фактором. Она передается языковыми формами, грамматическим способом. Этот вопрос был изучен И. Г. Гальпериным [4]. Авторская модальность служит для формирования интенции, поскольку модальность, выражая разные чувственные, эмоциональные отношения, уводит авторскую интенцию к более эффективному течению. Вводные слова – модальные слова, частицы, повторения, междометия и нарушение порядка слов служат этому. Эти единицы языка связаны с каким-либо инвариантным содержанием и намерением автора в связи с вариантами, образованными на его основе; авторский стиль тоже служит этому [5, с. 47–53].

Модальность писателя связана с тем, как он видит реальность. Для того, чтобы показать реальность, его лингвистическая сторона взаимосвязана с выбранными единицами языка – формами выражения. Писатель уделяет особенное внимание языку главных героев художественного произведения, оттого что они выражают его замысел. Такие творческие средства, как выражение эмоций, экспрессивность, связанные с характером писателя, используются уместно. Эта особенность имеет место и в художественных, и в публицистических текстах. Автор извлекает пользу из способности использования языкового потенциала; выбор положительных и отрицательных эмоций, использование вариантных структур предложения, выбор адекватных по смыслу инверсированных предложений связаны с лингвистической стороной текста.

В художественном тексте авторская интенция дается не отдельно, она возникает из текста, мысль извлекается из него. Автор рассказывает или от первого, или от третьего лица; он либо объясняет, либо описывает, либо даёт информацию. Авторская интенция отражает акт воздействия на противоположную сторону. Фактор воздействия многоплановый; он может охватить эстетические, философские, религиозные, идеологические и др. области. В каждом произведении есть авторская интенция, но их эффект воздействия отличается; он в комплексном виде охватывает художественные и лингвистические средства [6]. Начиная со второй половины XX века началось изучение нового направления исследования стилистики – стилистических особенностей инверсии. Инверсия – явление языка, имеющее огромные возможности; она непосредственно связана с синтаксическим уровнем языка. Здесь структура предложения тесно связана со структурой логического суждения. Получение стилистического эффекта путём инверсии в синтаксической структуре взаимосвязано с извлечением идеи из новой логической структуры; с другой стороны, это явление – коннотация синтаксической конструкции, распад закрытой структуры предложения. Следовательно, синтаксическая структура вновь разрабатывается с точки зрения суждения. Порядок слов в предложении выполняет грамматическую функцию; то же выражает лексическое подлежащее и лексическое сказуемое. Экспрессивно-стилистическая функция – самый оптимальный вариант инверсий, используемых в художественном языке. Этот вариант имеет определенный синтаксический размер, имеющий ограничения; это свойство в азербайджанском языке связано с внутренними особенностями языка. Область назначения инверсии – инвариантная синтаксическая структура. В английском языке отмечают два вида инверсии: полная и частичная инверсия. При полной инверсии в английском языке сказуемое предшествует подлежащему. При частичной инверсии формально субъект стоит перед предикатом (это в основном характерно для устной речи [2]). Если инверсированное предложение употребляется в тексте (микротексте), то его текстообразующая функция совпадает со стилистической функцией. Это многоплановое своеобразие объясняется широкой сферой деятельности инверсии в языке. Наше внимание привлекает инверсия членов предложения. Почти все члены предложения подвергаются инверсии. С точки зрения актуальности инверсированный член в слабой и сильной позиции выполняет прагматическую

задачу, поскольку инверсированный член, как основная цель, поднимается на верхний слой речи, его семантика не ограничивается одним предложением и охватывает более широкий радиус. В языкознании обосновывается идея, что порядок слов в предложении совпадает с логической структурой мысли. Согласно фундаментальному синтаксису, инверсированное расположение слов служит прагматическому тексту как стилистический фактор. Автор текста использует эти методы инверсии чтобы передать свой замысел.

Then one Saturday night I came into the far. I generally drop in on Saturday evenings and smoke a cigar and stand a round of drinks (E. Waugh).

Не случайно, в этом микротексте выражение “one Saturday night” стоит в начале предложения. На самом деле это намерение открыто проявляется частичным синонимическим повторением этого выражения в виде “Saturday evenings” в последующих текстовых компонентах. Таким образом, автор текста посредством двух стилистических фигур – инверсии и повторения подчеркивает актуальность исключительно субботнего вечера “Saturday night” и “Saturday evenings” в этой части. Посмотрим на примеры в азербайджанском языке:

“Zaur çevrilib Təhminəyə baxdı. Təhminə tuşla çəkilib uzadılmış kirpiklərini qaldırdı. Birdən Zaur onun gözlərinin lap dibini gördü. Səhrada qəflətən qum axıb-çöküb quyu açılan kimi, Təhminənin gözlərində nə isə uçub-dağılmışdı, gözlərinin lap dibində, bəlkə də dubsizliyində nə isə zil qaranlıq bir lağımın ağzı açılmışdı. Qəlbin gözlərinə açılan bir lağım, uçuruma aparan bir yolun ağzı.” (Anar).

В этом микротексте “Qəlbin gizlinlərinə açılan bir lağım, uçuruma aparan bir yolun ağzı” (“Проход в глаза души, устье дороги, ведущее к пропасти”) инверсированное подлежащее. Особенность этого образца в том, что подлежащее соединяется с предшествующим подлежащим, инверсированным в слабой позиции и дополняет его. Информационный смысл, который несет этот микротекст завершается подлежащим последнего предложения текста. Подлежащее, о котором идет речь, указывает на важные моменты, связанные с общей семантикой макротекста. Прагматическая ценность инверсированного подлежащего в этом контексте зарождается из этого момента.

Другой пример:

“Zaur onu qarıyacan ötürdü, liftin düyməsini basdı, lift səkkizinci mərtəbəyə qalxmağa başladı. Spartak ona nə isə demək istəyirdi və Zaur yəqin bildi ki, nə demək istəyir *Spartak*. Şübhəsiz, iki ailənin bu qarşılıqlı ədavət və nifrət toruna Spartak da düşmüşdü və bəlkə özü də istəmədən Zaura Alya xanımın, ya Murtuzun hansısa sözünü, hədəsini, ya təklifini, ya nə bilim, xəbərdarlığını çatdırmalıydı. Məcbur idi buna, ürəyində istəməsə də... istəməməyinə isə, açıq-aşkar görünürdü ki, istəməirdi, yoxsa bu qədər kədərli ifadə çökməzdi sifətinə, yazıq, biçarə... Lift axır ki, gəlib çıxdı, qarısı açıldı. Spartak, nəhayət, iradəsini toplayıb boğuq səslə:

– Bilirsən, Zaur... dedi, – Sənə demək istəyirdim... Təhminə ölüb... (Anar).

В указанном тексте “Spartak” (“Спартак”) инверсированное подлежащее; основная фигура гипертемы данного микротекста. Это и есть причина инверсии данной единицы как актуального члена. Его частое повторение служит прагматическому эффекту:

“Zaur üçüncü mərtəbəyə qalxdı. Təhminənin qarılıqı taybatay açıq idi; qarının üstündə isə yenidən vurulmuş *lövhəcik* görünürdü: əməkdar mühəndis rasionizator Q. Kərimov” (10, c. 311).

В этом тексте подлежащее “*lövhəcik*” (“вывеска”), предшествуя сказуемому, выступает в слабой позиции. Эта единица играет значительную роль в содержании данного микротекста; со стороны семантики микротекст обосновывается ею и особо оценивается и в микро-, и макроуровне.

“Qurban qımışdı:

– Nə bilim vallah, uşaqlar danışır. *Deyirlər* bərk içəndə gecə saat ikidə, üçdə gedirsən bunlara, zəngi basırsan, arvadı oyanıb, gəlib qarını açır. *Deyirlər* nə olub, nə təcili işdir ki *Deyirsən* bəs çox təcili işdir. Bəli, Dadaş bir tuman-köynəkdə gözünü ovuşdura-ovuşdura qarına çıxır. *Deyir* nə

olub, nə var, nə xəbərdir, ay Məmməd Nəsir, gecənin bu vaxtında Sən də ki, – Qurban papiros çəkənlərin xırlıtlı gülüşüylə güldü, – sən də ki, çirtiq çalib deyirsən: Tupbuludu, tupbulu; Çupbuludu, çupbulu” (10, c. 57).

Другой пример:

“İçəri keçdilər. Otaqdan yavaş musiqi sədaları, mətbəxdən isə qovrulmuş şabalıd iyi gəlirdi.

– Sən hardan gəlib çıxmısan buraya?

– Telefonu niyə götürmürsən?

– *Xarabdır* da telefonum. Dünəndən işləmir. Yəqin pulun gecikdirmişəm, kəsiblər... Yaxşı, burda niyə dayanmışıq, gəl otağa (Anar).

Здесь позиция глагола отличается от его позиции в первом тексте, потому что в первом тексте союз “ki” (“что”) подвергся эллипсису, предложение преобразовалось в слово. В результате некоторые предложения начинаются и заканчиваются глаголом. Поэтому употребление глагола в начале типичных предложений можно объяснить другими причинами. Полным вариантом предложения “Говоришь, что” является предложение “Ты говоришь, что”. Значит, подлежащее “sən” (“ты”) в главной части, потом союз “ki” (“что”) придаточного дополнительного предложения подверглись эллипсису, и в результате этот процесс обеспечил начальную позицию глаголу в предложении. Это естественный путь употребления глагола в начале.

Эллиптические конструкции в английском языке стимулируют образование инверсии.

Pody went into the little room, and looked into Gitano’s sack. An extra pair of long cotton underwear was there, an extra pair of jeans and three pair of worn socks (J. Steinbeck).

Думаем, что наименование таких перестановок инверсионным положением должно быть научно обосновано.

Перестановка глагола как показателя предикативности с конца предложения на начало обозначает переделывание инвариантного предложения. В инвариантном предложении глагол находится в конце, это его сильная позиция. Передача своего места члену в сильной позиции становится причиной инверсии в тюрко-азербайджанском предложении.

Инверсия дополнения в принципе отличается от инверсии других членов предложения.

Рассмотрим примеры:

To regular and serious customers it was an inexpensive place – fifteen francs to the house, ten to Fatima, five for the mint tea a few sons to the old fellow who tidied Fatima’s alcove and blew up the brazier of sweet gum (E. Waugh).

Перестановка дополнения “to regular and serious customers” на начало предложения – элемент инверсии для английского языка, который выступает в роли ремы.

В азербайджанском языке:

“Təhminəni düşündü. *Onun qəhirsiz gözəlliyini, boyalı dodaqlarını, sürməli gözlərini, uzun ayaqlarını. Gülüşündəki, səsindəki, qoxusundakı qadın cazibəsini. Xasiyyətindəki qəribəliyi, pərakəndəliyi, söz-söhbətinin dağınıq, məntiqsizliyini...*” (Anar). В этом тексте актуально дополнение. Все актуализированные члены, похожие на самостоятельные дополнения и стоящие после сказуемого (Təhminəni düşündü (Подумал о Тахмине)) первого предложения, имеют одно сказуемое, логически соединяющее их в одном; это члены ремы, и в фундаментальном синтаксисе они предшествуют сказуемому, инверсионный характер которого возникает из этого.

Рассмотрим другой пример:

“Zaur qalxdı və indi ayaq üstə danışırdılar.

– Görəsən tanımazdın, Zaurik, elə arıqlamışdı ki, yazıq... Ağrılar yaman əziyyət verirdi, amma heç zarafatından da qalmırdı... Nə yaxşı oldu, deyirdi, heç kəs mənim qocalığımı, çirkinliyimi görməyəcək... Bir cavan göyçək oğlan müalicə edirdi onu. Ölümündən bir gün qabaq mənə dedi ki, heyif, belə göyçək oğlan məni ölü görəcək. Zarafat elədi ki, çılpaq görən olub *məni*, amma ölü görən olmayıb hələ, birinci bu cavan oğlan görəcək” (Anar). В этом тексте дополнения “onu”

(“eë”), “mәni” (“меня”), выражающие основные цели микротекста (все компоненты собрались вокруг этих членов), актуализированы в сильной позиции и в результате подверглись инверсии.

“Mәsәlәnin bu cür qoyuluşu özündән çıxarırdı *Zauru*: nə ultimatumdur bu belә, o südәmәr körpә-zaddır bәyәmә Amma dinmәdi... Bәlkә elә Zivәр xanım da gәрәk söhbәtini burada xәtm elәyәydi. Sözüni bununla qurtarsaydı Zivәр xanım, hәр şey bәlkә ayrı cür olardı. Amma Zivәр xanım harın arvad idi, içində hikkәsindən qaynayırdı və dilini dişlәyib demәk istәdiklәrini ürәyində saxlaya bilmәzdi. Vә dediyi sözlәр dә bütün sonrakı hadisәlәр üçün tәkan oldu... Zivәр xanım üz-gözünü elә turşutdu ki, elә bil çimçәşirdi, iyrәndiyi murdar bir şey haqqında danışırdı...” (Анар). В первом предложении текста инверсированная единица – прямое дополнение “Zaurun” (“Заура”) – важный компонент для последующих предложений;

Просмотрим инверсию косвенных дополнений:

“Yağış çilәyirdi, Zaur evlәрinә tәрәf addımlayarkән birdән ağına gәldi ki, sabah Tәhminәnin tәzә iş yerinә zәng elәyә bilәр. Telefonunu bilmirdi. Dadaşdan öyrәnә bilәр. Bәlkәm elә indi gecәyarısı Dadaşа zәng vurub öyrәnsinә Mәzәli bir әhvalat yadına düşdü, bu әhvalatı Tәhminә danışırdı *ona*; bir gecә Nemәt içib dәм olub gecә saat üçdә zәng elәyib Dadaşdan Tәhminәnin gözlәrinin rәngini soruşub” (Анар).

“Ona” (“ему”) – косвенное дополнение; в фундаментальном синтаксисе его место перед глаголом “danıştı” (“говорил”), его позиция сильная как актуализированного члена.

Академик К. М. Абдуллаев отмечает, что дополнение с нулевым показателем в неопределенной форме, подвергшись реме в азербайджанском, тюркском языках не может выступать в сильной позиции, при этом возможны исключения, поскольку позиция дополнения ремы перед сказуемым широко распространенная позиция. На самом деле это положение можно считать объективной синтаксической позицией дополнения [1, с. 101].

Среди членов предложения определение имеет стабильное (определяющее и определяемое) место. Это зависит от характера структуры языка. Обычно определение предшествует подлежащему и дополнению, а также именному сказуемому. В вышеуказанной структуре его инверсия допустима; эта особенность существует в виде норм художественного языка. Но существование за пределами одного предложения после актуализации – их особый случай. Академик К. М. Абдуллаев пишет: “<...> определение резко выходя за пределы структурных границ предложения, показывает себя в качестве исключительного формирования: *Onda iki qılınc var. Biri qınlı, biri qınsız. <...>* (У него есть два меча. Один с ножнами, другой без.<...>). Если мы расставим слова этого предложение по порядку, то определение займет свое истинное место в середине синтаксической структуры” [1, с. 107]. Эту особенность можно принять как свойство инверсии актуализированного определения вне пределов предложения.

Вопрос места инверсированных единиц в художественном переводе связан с практическим использованием инверсии и имеет особое значение в прагматике текста. При переводе инверсированного предложения в обоих языках порядок слов обязательно учитывается [7, с. 53–58]. Как мы прежде отметили, синтаксическая структура языков различается, у каждого есть принцип определенного порядка членов предложения. Но их инверсирование несет универсальный характер. В отличие от европейских языков в азербайджанском, тюркском языках инверсия не выполняет только грамматическую функцию (напр., как в образовании вопросительного предложения во французском языке).

В предложении обстоятельства разбрасываются в разные места соответственно их видам по значению. Просмотрим несколько из них:

From his bathroom window

Paul looked down on to the terrace. The coverings had been removed, revealing the half-finished pavement of silver and scarlet professor Silemus was already out there directing two workmen with the aid of a chart (E. Waugh).

Позиции обстоятельств места “From his bathroom window” и “there” не присущи предложению английского языка, и благодаря именно этому эти элементы инверсии играют роль ремы. Посмотрим на образец из азербайджанского языка:

“Uşaq yenidən otağa gəldi:

– Ana, bəs haçan gedəcəyik axı, kinoya?

– Bu saat, bu saat, mənim göyçək balam, indicə gedəcəyik... Axır saatına qədər Muxtar gəlirdi yanına....

Manaf da gəlirdi; necə yaxşı adam imiş, Manaf. Zaur, heç bilməmişik vallah, bütün dəfn xərcini özü çəkdi, üç, yeddi də verdi, bu yaxında qırxıdır, amma day qırxın verə bilməyəcək, dəyişdilər də mənzili... Bir injener köçüb *bura arvadıyla*, bir çətən də külfəti var (Анар).

В этом примере “yanına” (“к нему”) и “bura” (“сюда”) – инверсированное обстоятельство места – было употреблено в сильной позиции. В художественных текстах такие примеры встречаются часто.

Сильная позиция наречий ещё больше привлекает внимание. Но эта инверсированная единица не может полностью охватить гипертему микротекста, инверсия охватывает маленький радиус:

“Elədir ki, var, qu desən qulaq tutulan cingiltili sükutdan sonra otaq həm də qaranlığa qərq oldu; Firəngiz pəncərəni bağlayıb işığı da keçirdi. Zaur örtülü göz qaraqları arasından qaranlığın müxtəlif mərhələlərini duyurdu - əvvəlcə otaq alaqlı oldu – vannanın açıq qapısından kvadrat şəkildə işıq şüləyi düşürdü *döşəməyə*. Qapı bağlandıqdan sonra otağa güclə sezilən ətir kimi – gecə çırağının zəif şöləsi yayıldı. Firəngiz bu çırağı a söndürdü və o zaman ətraf qaranlıq işində həll oldu” (Анар).

В данном тексте “*döşəməyə*” (“на пол”) – обстоятельство места – инверсированный член предложения. В отличие от предыдущих некоторых примеров данное обстоятельство места не является решающей единицей гипертемы текста, содержание микротекста основывается на нем и занимает свое место в его образовании. Инверсированные единицы играют разные роли в формировании гипертемы текста. Полное охватывание гипертемы микротекста инверсированной единицей тесно связано с логикой писателя и речевой ситуацией, потому что речевая ситуация, место реализации инверсированной единицы, её роль в передаче информации во многом зависит от интеллектуального уровня, от знания языковых навыков автора. Из этого нельзя делать вывод о том, что вышеуказанные инверсированные единицы выступают проявлением авторской неосведомлённости. Они актуализированные члены, служащие авторской интенции, в динамике событий им отводится значительное место. Когда гипертема текста полностью охватывается, статус инверсированной единицы ещё больше упрочняется:

“Zaur heç nə demədi...”

Balaca əncir ağacına baxırdı. Təhminə hey bu ağacdən danışdı, daha doğrusu, bu ağacı onlara hədiyyə gətirmiş alpinist dostlarının söhbətlərini təkrar edirdi; haradasa Naxçıvanda, dağlarda tapmışdılar bu ağacı, *Gəmiqayanın yanında*. Gəmiqaya adlı yerdə, rəvayətə görə, Nuhun gəmisini lövbər salıbmış və oralarda alpinistlərin dediklərinə görə, qayaların üzərində maraqlı şəkillər var. Qobustan qaaya rəsmləri kimi” (Анар).

“Gəmiqaya yanında” (“возле Гемигаи”) – актуализированное наречие места, на котором строится информация в микротексте. Следовательно, структурируя информацию, автор определяет статус номинативных единиц – слов и словосочетаний с точки зрения актуальности, и это связано с оцениванием лексической единицы при передаче информации. Оценивание стоит против языковых единиц. Другой пример:

“Qərara gəlməyinə gəlmişdi, amma nə sirdisə ürəyi də səksəkəli idi, ürəyinin içində nəşə elə başlamışdı gizildəməyə, özü də nəydisə bu gizilti təzə-təzə gəlib girirdi *ürəyinin içinə*, girdiyi zaman

da elə o an beyni də başlayırdı sanki ala-bula dumanların içində gizlənirdi, keyiyirdi elə bil, hər şeyi, hər şeyi unudurdu və nə vəchlə çalışırdı, nə illah eləyirdi özündə qüvvə tapa bilmirdi, nəyisə, kimsə bu zaman xatırlasın ki, bəlkə çox zəif şəkildə ancaq bunu düşünə bilirdi, bəlkə xatırlasaydı kimsə, nəyisə bu ağrıya çevirən gizilti də, elə bil uçurmuş kimi yırğalanması da, başının içinin keyləşməsi də fəvriyyə keçib gedəcəkdə, yox olacaqdı” (K. Абдулла).

“Ürəyinin içinə” (“во внутрь сердца”) – обстоятельство места, выраженное словосочетанием, – специально выделенная единица в передаче информации микротекста. Её статус не ограничивается одним предложением, а охватывает микротекст. Поэтому при передаче информации надо обратить внимание на то, чтобы слова имели разные значения.

Просмотрим особенности формирования инверсии обстоятельствами времени:

I have never seen such a man. Up until yesterday you preserved some ran hants of man hood. And today there is not enough of you left to make a sick kitten. Jet you are happy in your soddenness (E. Hemingway).

В этом тексте перестановка обстоятельств времени “up until yesterday” и “today” на переднюю позицию не присуща предложениям английского языка. Целью автора является как привлечение внимания ко времени для создания прагматического эффекта, так и формирование временного континуума. В этой функции наречие времени “now” используется много раз.

Robert Jordan rode thirty yards father up the road, beyond that the bank was too steep. The gum was firing now with the rocket which and the cracking dirt sponting boom (E. Hemingway).

Нетрадиционная позиция наречия “now” в середине предложения связана с интенцией, направляющей внимание читателя на время.

Литературы

1. Abdullayev K. M. Azərbaycan dili sintaksisinin nəzəri problemləri / K. M. Abdullayev. – Bakı : Maarif, 1999.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования / И. В. Арнольд. – Л. : Просвещение, 1981. – 295 с.
3. Борисова В. М. Проблема языковой личности автора как категория художественного текста // Филологические науки. Удмурдский гос. ун-т. – 2006. – № 5 (2). – С. 185–190.
4. Гальперин И. Г. Текст как объект лингвистического исследования / И. Г. Гальперин ; 4-е изд. – М. : Ком.книга, 2006. – 144 с.
5. Кловок Е. В. Авторская модальность как один из компонентов идиостиля // Вестник Тверского ГУ: Серия “Филология”. – 2014. – № 2. – С.47–53.
6. Ковина Т. П. Реализация коммуникативной интенции в функционально-смысловом типе речи // Материалы международной научно-теоретич. конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mami.ru/science/mami_145/.../s12_80.pdf
7. Мамедов С. Р. О способе перевода некоторых английских инверсионных структур на азербайджанский язык // Функционально-структурный анализ единиц языка. – Баку, 1988. – С. 53–58.
8. ru.wikipedia.org/ukl.интенция.